

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

В. П. Океанский

Доктор филологических наук, профессор по кафедре культурологии (ВАК РФ); доктор философских наук (Международный сертификат ООН и ЮНЕСКО); заведующий кафедрой культурологии и литературы, научный руководитель Центра кризисологических исследований Шуйского филиала Ивановского государственного университета; главный научный сотрудник Научного центра по проблемам взаимодействия власти и гражданского общества Ивановского филиала Института управления (Архангельск); заслуженный деятель науки и образования, чл.-корр. РАН; академик АФХ (МГУ им. М. В. Ломоносова); почётный работник высшего профессионального образования РФ

Власть пространственного фактора в российской культурно-цивилизационной истории и метафизические особенности патриотизма в России

Материал является продолжением авторского лекционного курса «Сакральный космос россияведения» и открывает его раздел «Сакрально-космологические основания отечественного патриотизма»: здесь речь идёт о существенном доминировании в российском мире пространственного фактора, его противоречивых оценках у авторитетных представителей отечественной интеллектуальной культуры, а также о его феноменальном проявлении в художественном слове.

Ключевые слова: простор, равнина, бесконечность, метафизика, геофатализм, евразийство, Восток.

«Как бескрайний океан, Россия простирается во все стороны: нескончаемая дорога ждёт путника. Какой простор для отважной души, стремящейся вкусить неизвестности в поисках счастья и удачи! Но, как и в океанских просторах, её здесь подстерегают свои опасности. Прямая дорога расстилается равно перед другом и врагом; можно только пожалеть тех, кого застигла здесь нежданная буря. Живущие на этой равнине приобрели качества, отсутствующие у населения стран с более закрытым ландшафтом... Как над безбрежным морем, над русской равниной царствует небо: невозможно не ощущать его всегдашнего присутствия; небо в России кажется очень низким, будто касающимся земли» [1, с. 46,

48], - так отмечал русский философ и историк отечественной интеллектуальной культуры Н. М. Зернов. Эта мысль многократно варьируется в россияведении, например, у А. С. Хомякова, писавшего, что «русский... живёт более в категории пространства, чем в категории времени» [2, с. 185].

Н. А. Бердяев подчёркивал, что «в душе русского народа остался сильный природный элемент, связанный с необъятностью русской земли, с безграничностью русской равнины. <...> Необъятность русской земли, отсутствие границ и пределов выразились в строении русской души. Пейзаж русской души соответствует пейзажу русской земли, та же безграничность, бесформенность, устремленность в бесконеч-

ность, широта. <...> Можно было бы сказать, что русский народ пал жертвой необъятности своей земли, своей природной стихийности. Ему нелегко давалось оформление, дар формы у русских людей не велик» [3, с. 8]. Мыслитель отмечает это глубинное качество и в других работах. «Необъятные пространства России тяжелым гнетом легли на душу русского народа. В психологию его вошли и безграничность русского государства и безграничность русских полей. Русская душа ушиблена ширью, она не видит границ, и эта безграничность не освобождает, а порабощает её. <...> Эти необъятные русские пространства находятся и внутри русской души и имеют над ней огромную власть. Русский человек, человек земли, чувствует себя беспомощным овладеть этими пространствами и организовать их» [4, с. 63]. «Есть соответствие между необъятностью, безгранностью, бесконечностью русской земли и русской души, между географией физической и географией душевной. В душе русского народа есть такая же необъятность, безгранность, устремленность в бесконечность, как и в русской равнине. Поэтому русскому народу трудно было овладеть этими огромными пространствами и оформить их. У русского народа была огромная сила стихии и сравнительная слабость формы» [5, с. 44]. «В России всегда была гипертрофия государства. <...> Русские историки объясняли это огромными, необъятными пространствами России. Трудно было организовать эту необъятную равнину... Русская земля должна быть огромной, это входит в русскую идею» [6, с. 266]. Аналогичные вещи отмечали и другие русские философы. «Стихия, — пишет Б. П. Вышеславцев, — чувствуется каждым русским как непонятная и непередаваемая иностранцам сущность русской души, русского характера, русской судьбы, даже русской природы» [7, с. 5]. Гершензон, в вольном изложении Вышеславцевым заключительного абзаца статьи ”Мудрость Пушкина“, говорит: «По беспредельной русской равнине, от Полярного круга до тёплых морей безудержно и бесцельно несется крутящийся вихрь и с ним безудержная русская душа. Эту русскую стихию знал уже Гоголь и изобразил в свободно и безудержно не-

сущейся русской тройке... Куда и зачем — никто не знает. Её хорошо знал Тютчев (“поэт всемогущ, как стихия“). Её постоянно изображал Достоевский, знал и носил в себе Лев Толстой. Пушкина нельзя понять вне этой безумной стихийности его души. Напрасно так много говорят о его “трезвости и гармоничности” — это противоречит его юности, его женитьбе, его гибели...» [8, с. 174]. «...Русский максимализм, — отмечает прот. Василий Зеньковский, — сам по себе не религиозного происхождения, — он связан с “природными” особенностями русской души, создававшимися на всём протяжении русской истории. Безмерность русских пространств, отсутствие внутри России высоких гор, все ”геополитические“ влияния определяли эти особенности русской души. Но, будучи ”природными“ и определяя стиль и формы духовной жизни, эти особенности русской души получили для себя особое подкрепление в некоторых основных чертах христианства, с которыми они глубоко срослись. <...> ...Отказ от скульптуры в храме и, наоборот, безоговорочное поклонение иконописи. <...> ...Противление инструментальной музыке в храме и постепенное развитие церковного пения...» [9, с. 40–41]. «Необходимо самому провести какое-то время на русской равнине, чтобы почувствовать, в какой степени жители её отрезаны от остального мира», — пишет Н. М. Зернов, развивая мысль далее: «Психология русского народа и особенности его культуры во многом объясняются климатом и рельефом Русской равнины... Русская равнина умеет привязывать человека к земле, не уставая в то же время напоминать ему о Вечности» [10, с. 13, 16]. Этот ещё (в отличие от многих других представителей отечественной интеллектуальной культуры XX века!) явно не достаточно изученный у нас автор здесь же проникновенно указывает на тот факт, что в существенном отношении Россия «гораздо ближе к Индии, Китаю и странам ислама, чем к современным государствам Запада» [10, с. 10]. Цитируемый труд Зернова о профетических началах руссиеведческого наследия А. С. Хомякова, Ф. М. Достоевского и В. С. Соловьёва был издан небольшим тиражом в середине 1990-х годов

и переиздан, увы, меньшим тиражом спустя полтора десятилетия...

И. А. Ильин великолепно говорит «об отражении в нас нашей Родины»: «Россия одарила нас бескрайними просторами, ширью уходящих равнин, вольно пронизываемых взором да ветром, зовущих в лёгкий, далёкий путь. И просторы эти раскрыли наши души и дали им ширину, вольность и легкость, каких нет у других народов. Русскому духу присуща духовная *свобода*, внутренняя ширь, осознание неизведанных, небывалых возможностей. Мы родимся в этой внутренней свободе, мы дышим ею, мы от природы несем её в себе, — и все её дары, и все её опасности... <...> *Чувство беспредельности*, живой опыт ночной стихии, дар пророческой одержимости — дала нам наша родина. Отречься от этого дара — значило бы отречься и от неё и от себя. <...> У зрячего глаза прикованы к дали; у слепого очи уходят вглубь. О, эти цветущие луга и бескрайние степи! О, эти облачные цепи, и гряды, и грозы, и громы, и сверкания! О, эти тёмные рощи, эти дремучие боры, эти океаны лесов! Эти тихие озёра, эти властные реки, эти безмолвные заводи! Эти моря — то солнечные, то ледяные! Эти далёкие, обетованные, царственные горы! Эти северные сияния! Эти осенние хороводы и побегии звёзд! От вас прозрели наши вещи художники. От вас наше видение, наша мечтательность, наша песня, наша созерцающая ”лень“...» [11, с. 6, 8].

Следует, однако, помнить и о скептической оценке этого бытийного наследия русских. Истинная причина «нашего умственного бессилия», писал П. Я. Чаадаев, — это «факт географический» [12, с. 154]. «В России, — отмечает современный культуролог В. К. Кантор, — пространства были слишком безграничны, потому и служили препятствием материального и духовного развития страны. У нас от мысли до мысли — пятьсот вёрст, иронизировал П. А. Вяземский. А Андрей Белый патетически восклицал: ”Исчезни в пространстве, исчезни, / Россия, Россия моя!“ Вряд ли такое мог произнести любой из европейских поэтов» [13, с. 26]. Г. С. Померанц отметил в этой связи некий *геофатализм* в сюжетной структуре романа ”Идиот“: «Как только

князь прикасается к родной земле, так он (в противоположность Антею) начинает слабеть и гибнуть» [14, с. 281].

Как бы мы ни оценивали это исходное обстоятельство, нельзя не увидеть его колоссального значения для русской мысли и словесности.

Один из крупнейших современных российских философов, знаменитый писатель и мыслитель, учёный-индолог Ю. В. Мамлеев проникновенно писал о философии русской патриотической поэзии; приведём отдельные цитаты из его одноимённой работы:

«Русская литература считается... самой философичной литературой в мире. Задача... — выявить философию, лежащую в подтексте русской патриотической лирики (XIX – XX вв.). <...> ...только в русской философии и литературе сама Родина является объектом метафизического и философского познания. <...> Иными словами, значение поэта определяется тем миром, тем поэтическим космосом, который он создал многозначностью и глубиной философского подтекста его поэзии» [15, с. 253]; «...блоковский уникальный философско-поэтический космос включает в себя... как уровень высшего платонизма и средневековой мистики, так и уровень познания всего современного мира, включая пророческие приговоры этому миру. <...> ...впервые в русской культуре раскрыта была метафизика древней деревенской России, метафизика её быта и природы. По существу, Есенину удалось воспроизвести некие глубинные архетипы русской души, проникнуть в её априорный, изначальный уровень, воссоздать метафизические качества русской души, открыть её вечные стороны. <...> Недаром в Индии (насколько я знаю) так ценится поэзия Есенина. <...> ...в русской поэзии XX века был, до известной степени, углублён тот великий поиск вечной России, который начался в XIX веке» [15, с. 254]; «...само бытие России, и сама Россия, как страна, связаны с почти невыразимой запредельной Тайной — космически-религиозного и метафизического значения. Это виденье проходит красной нитью через всю русскую лирическую поэзию, но особенно драматически выражено оно в стихотворении Лермонтова «Отчизна» и в поэзии

Тютчева, Блока, Есенина и Волошина. ...необходимо отметить, по крайней мере, неотделимость этой тайны от самого существования России. ...в основе бытия России, в том числе и исторического, лежит такого рода запредельная Тайна. ...”понимание“ России как Тайны...» [15, с. 255]; «...русский патриотизм носит до некоторой степени сверхъестественный характер. <...> Вне всякого сомнения, без любви к России погибнет и сам русский человек и сама Россия...» [15, с. 256]; «...выражение ”умом не понять“ предполагает, что можно понять каким-то иным способом, более высоким, чем путь человеческого ума, и такой способ существует. Это путь сверхрациональной интуиции, медитации, выхода на высший уровень сознания. Он тоже открыт (потенциально, конечно) для человека, и только таким способом можно хотя бы приблизиться к пониманию Тайны России. Следовательно, перед нами – грандиозное поле работы для будущих русских философов, поэтов, писателей, метафизиков... В этом залог будущего величия русского эзотеризма. Тем более, что тоска по познанию России явно присутствует в русской культуре. <...> ...никакая религиозная завершённость, никакая вера, философия, миропонимание не могут до конца удовлетворить Россию, в русской душе всегда остаётся некая тайная тревога, некая ”неустроенность“, и, следовательно, всегда остаётся незаполненный метафизический простор» [15, с. 257]; «...Россия всегда имеет возможность вобрать в себя все немислимые духовные горизонты будущих веков, и, следовательно, сохраняет возможность великого исторического бытия в будущем. <...> ...необъятность русского физического пространства переосмысливается в русской поэзии в мистическом плане, в смысле необозримости русской духовности и скрытости, отдалённости великих целей русского бытия. Например, у Блока:

*За снегами, лесами, степями
Твоего мне не видно лица –
Только ль страшный простор пред очами
Непонятная ширь без конца?*

Русский простор, действительно, страшен, потому что он не только указывает на космическую широту, ”отдалённость“, но... до известной степени является своего рода покрывалом Изиды, скрывающим русскую Тайну и цель» [15, с. 258–259]; «В то же время на геополитическом уровне русское физическое пространство не раз спасало страну и нацию от уничтожения, и именно поэтому историческая Россия должна была расширяться, чтобы спасти себя, ибо иного выхода у неё не было. В этом смысле русское пространство ”страшно“, но уже для врагов России. <...> ”Страшно“ быть русским человеком, ибо трудно человеку вместить то, что вмещает Россия, но вместе с тем это и великое счастье. <...> Изучение философии и метафизики, лежащей в подтексте этой поэзии и литературы – дело будущего... <...> ...интенсивное мистическое сознание России во всей её глубине является одним из главных признаков литературного и философского гения в России, и с этим познанием неотрывно связаны имена наиболее великих русских писателей и поэтов – от Пушкина, Толстого и Достоевского до Блока, Есенина и Платонова» [15, с. 259].

Ключевое умозаключение Мамлеева состоит в следующем: «...познание России в целом, во всех её безднах и глубинах... невозможно на уровне западной философии... – здесь нужна, я думаю, всепроникающая мощь восточного, в первую очередь индусского метапознания» [16, с. 15].

С опорой на эти интуиции Мамлеев подготовил замечательный труд «Россия вечная» [17], вобравший в себя опыт знаменитых предшественников и требующий отдельного обстоятельного изучения... Так, евразиец-музыковед П. П. Сувчинский писал о феномене пространственности в русском мировосприятии как о «сухопутном океане», видя в нём прежде всего проявление космических сил и Божественной воли; аналогичные вещи отмечал другой евразиец – знаменитый филолог Н. С. Трубецкой в ряде работ под говорящими названиями: «Европа и человечество», «Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока», «Чингизхан», «Мы и другие», «Русская проблема»; Тютчев, Блок, Есенин, Клюев в

своём творчестве сделали эту тему сакрального россиеведения одной из главных. Последний из них писал:

*Певчим цветом алмазно заиндевел
Надо мной древословный навес,
И страна моя Белая Индия
Преисполнена тайн и чудес...*

Таковы – специфические черты русской логоцентрической культуры, питающейся глубинами своего ещё недораскрытого евразийского мифа...

Библиографический список:

1. *Зернов Н. М.* Три русских пророка: Хомяков, Достоевский, Соловьёв. СПб.: «Русская симфония», 2010.
2. *Хомяков А. С.* Аристотель и всемирная выставка // Благова Т. И. Родоначальники славянофильства. А. С. Хомяков и И. В. Киреевский. М.: «Высшая школа», 1985.
3. *Бердяев Н. А.* Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990.
4. *Бердяев Н. А.* О власти пространств над русской душой // Бердяев Н. А. Судьба России. М., 1990.
5. *Бердяев Н. А.* Русская идея: Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века // О России и русской философской культуре: Философы русского послеоктябрьского зарубежья. М., 1990.
6. *Бердяев Н. А.* На пороге новой эпохи // Бердяев Н. А. Истина и Откровение: пролегомены к критике Откровения. СПб., 1996.
7. *Вышеславцев Б. П.* Русская стихия у Достоевского. Берлин, 1923.
8. *Вышеславцев Б. П.* Вечное в русской философии // Вышеславцев Б. П. Этика преображенного Эроса. М., 1994.
9. *Зеньковский В. В.* История русской философии: В 2 т. Л., 1991. Т. 1, ч. 1.
10. *Зернов Н. М.* Три русских пророка: Хомяков, Достоевский, Соловьёв. М.: «Московский рабочий», 1995.
11. *Ильин И. А.* О России. М., 1991.
12. *Чаадаев П. Я.* Сочинения. М., 1989.
13. *Кантор В. К.* "...Есть европейская держава": Россия: трудный путь к цивилизации: Исторические очерки. М., 1997.

14. *Померанц Г. С.* Открытость Бездне: Встречи с Достоевским. М., 1990.

15. *Мамлеев Ю. В.* Философия русской патриотической поэзии // Московский эзотерический сборник. М.: «ТЕРРА», 1997.

16. *Мамлеев Ю. В.* В поисках России // Литературная газета. 27 сентября 1989 г. № 39 (5261).

17. *Мамлеев Ю. В.* Россия вечная. М.: «Эксмо», 2011.

©Океанский В.П., 2015